(cc) BY

Куликов Александр Викторович
заслуженный юрист РФ, д-р юрид. наук,
профессор, заведующий кафедрой
ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет им. И. Канта»
г Калининград, Калининградская область

ДИВЕРСИЯ КАК ОПАСНЕЙШЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОСТИ: ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ С ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ АКТОМ

Аннотация*: в статье анализируется определение состава преступления, предусмотренного ст. 281 УК РФ. Приводятся примеры современной тенденции развития диверсии. Выявляется проблема схожести диверсии и террористического акта.*

Ключевые слова*: преступление, террористический акт, диверсия, иные способы совершения диверсии.*

В современных условиях проведения Российской Федерацией военной спецоперации к демилитаризации и денацификации Украины на территории Украины обострилась вероятность совершения диверсионных актов. В связи с чем возрастает актуальность рассмотрения указанной проблематики с точки зрения уголовно-правовой оценки и квалификации преступных действий как диверсии [1]. Исходя из этимологического понятия этого термина, диверсия означает тайные, скрытные действия, направленные на разрушение или повреждение важных объектов экономики государства: транспортной инфраструктуры, жизнеобеспечения населения, связи, предприятий и сооружений.

Первоначально под диверсией понималась военная операция, то есть тайное уничтожение или повреждение материально-технической базы противника, целью которого являлось ослабление оборонного или наступательного потенциала, а также рассредоточение вражеских сил.

Отличительным признаком данных определений служит то, что военная диверсия осуществляется во время боевых действий, как операция, разработанная и предпринятая военным командованием для исполнения поставленных це-

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

лей и задач, за которое не предусмотрена уголовная ответственность. В тоже время, диверсия, как уголовно-правовой термин является преступлением, предусмотренным ст. 281 УК РФ [2], которое совершается в мирное время и не связано с какой-либо военной кампанией, хотя и может совершаться профессиональными диверсантами.

Таким образом, единственной схожей чертой приведенных определений служит объект посягательства. Им являются экономическая и оборонная безопасность Российской Федерации. Предметом посягательства выступают важные для стабильности государства материальные объекты, как: энергетические, транспортные, военные объекты и др. В частности, это могут быть: атомные и гидроэлектростанции, ЛЭП, трубопроводы, инфраструктура (мосты, плотины, железные дороги и т. д.).

Перечень конкретных действий, которыми причиняется ущерб государству, в уголовном законодательстве установлен следующим образом. Ими могут быть: взрыв, поджог и иные диверсионные действия, направленные на подрыв экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации [3]. Взрывом является процесс высвобождения большого количества энергии в ограниченном объеме за короткий промежуток времени, сопровождаемый выделением газов, при расширении которых происходит разрушение окружающих объектов. Определение поджога представлено также в уголовном законодательстве, под ним понимается умышленное уничтожение или повреждение отдельных предметов с применением огня [5]. В результате поджога возникает пожар как «неконтролируемое горение, причиняющее материальный ущерб». При этом важно отметить, что содержание этих действий полностью совпадает со способами совершения террористического акта (ст. 205 УК РФ).

Если с двумя представленными формами совершения диверсии все понятно, то «иные действия», указанные в диспозиции статьи, вызывают споры в научном сообществе. Под иными действиями, по мнению законодателя, понимаются схожие с взрывом и поджогом и последствиями действия, например организация обвалов, селей, оползней, наводнений и др. То есть действия повы-

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

шенной общественной опасности и приносящие значительный и непосредственный материальный ущерб государству.

Однако многие ученые считают, что сущность и уголовно-правовая оценка диверсии должна быть гораздо шире, чем она представлена в диспозиции ст. 281 УК РФ. Например, М.Д. под иными действиями понимает как умышленные действия, направленные на:

– основы конституционного строя (захват власти насильственным путем, уничтожение демократических институтов, посягательства на конституционные права граждан и др.);

– экономическую безопасность (разрушение экономического потенциала государства, поощрение коррупции, расхищение национальных богатств и др.);

– социальную безопасность (уничтожение социальных институтов государства, создание условий, негативно влияющих на демографию страны и др.);

– военную безопасность (нанесение вреда обороноспособности страны);

– политическую безопасность (разжигание этнической, межконфессионально нетерпимости и др.) [6].

В недавнем прошлом в научных источниках бытовало мнение, что диверсия может осуществляться при помощи животных. Во время Великой Отечественной войны среди партизан была практика использования овчарок для подрыва железных дорог, колонн противника. В дальнейшем, в период «холодной войны» СССР и США обучали морских млекопитающих для совершения диверсионных действий, например, дельфинов тренировали для применения в качестве «живой торпеды» для уничтожения подводных лодок. Также их готовили для проведения контрдиверсионной деятельности, обучали приближаться к боевым пловцам и сбрасывать взрывное устройство.

Сегодня, с учетом технического и технологического развития появилась необходимость выделения среди иных действий кибердиверсии [7]. Например, такой формой диверсии считают распространение компьютерного вируса «Стакснет». Эта вредоносная программа атаковала программное оборудование компании «Сименс». В Иране именно эти программы отвечали за реализацию

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

ядерной программы страны. Президент Ирана признал, что вирус причинил ущерб реализации иранской ядерной программы.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что формы диверсии, представленные в диспозиции ст. 281 УК РФ, если их трактовать в узком смысле, не отмечают требованиям современности и не охватывают всех противоправных действий, которые по своей сущности могут являться диверсией.

Нам необходимо также уделить внимание вопросам разграничения диверсии с террористическим актом как смежными составами преступлений, что представляет научную проблематику [8].

На наш взгляд, разграничение акта терроризма от совершения диверсии следует проводить по нескольким ключевым признакам:

– *по основному непосредственному объекту посягательства:* в соответствии со статьей 205 Уголовного кодекса РФ – это безопасность и обороноспособность РФ, а также экономическая стабильность [9]. Исходя из статьи 281 Уголовного кодекса РФ, непосредственным объектом являются общественная безопасность, а также нормальное функционирование различных организаций, государственных органов власти, жизнь и здоровье людей, собственность всех видов [10].

– *по предмету посягательства при совершении преступления:* предмет диверсии, согласно ст. 281 УК РФ обозначен четко, это различные предприятия, объекты инфраструктуры, транспортные объекты, социальная инфраструктура, в свою очередь, при террористическом акте отсутствует четкая информация об объекте посягательства, только в ч. 3 ст. 205 УК РФ упоминаются объекты с использованием атомной энергии;

– *по различиям в объективной стороне преступления:* объективная сторона диверсии выражается в активных действиях, которые направлены на прекращение работоспособности предприятий, выводу из строя сооружений, разрушения объектов транспортной инфраструктуры. Объективную сторону террористического акта можно представить в двух формах:

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

а) активные действия, которые создают опасность наступления тяжких и особо тяжких последствий, таких как взрыв, пожар, поджог, устрашающих население и создающие опасность гибели людей;

б) риска совершения данных указанных действий.

– *по специальной цели как существенного признака субъективной стороны преступления:* действия, квалифицированные как диверсия, несут основную цель – подрыв экономической стабильности и безопасности, а также уровня обороноспособности Российской Федерации. Совершение террористического акта преследует основную цель – воздействие на принятие определённого решения органами государственной власти, либо иных организаций местного и международного значения [10];

– *по возрасту привлечения к уголовной ответственности:* согласно статье 281 УК РФ, за совершение диверсии к ответственности привлекается лицо старше 16 лет. За совершение террористического акта, согласно ст. 205 УК РФ, к ответственности привлекается лицо, достигшее возраста 14 лет.

Анализируя данные смежные составы преступлений, можно выделить как яркие различия, так и общие признаки. Ключевые отличия состоят в цели данных преступлений. При террористическом акте – попыток влияния на деятельность органов власти, дестабилизации работы органов государственной власти и иных организаций, которые никак не равны целям разрушения и подрыва экономики, обороноспособности Российской Федерации путем совершения диверсии. Вместе с тем, объективная сторона диверсии (ст. 281 УК РФ) частично совпадает с объективной стороной террористического акта (ст. 205 УК РФ). Это подтверждается п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 года №1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» [11], в котором дается характеристика «иным действиям» и расширенное толкование.

Список литературы

1. Куликов А.В. Влияние этнических различий и незаконной миграции на состояние преступности в России / А.В. Куликов, О.А. Шелег // Вестник Кали-

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

нинградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2016. – №3. – С. 18–20.

2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – В 2 т. (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. – Т. 2. – М., 2015.

3. Куликов А.В. К вопросу о понятиях организованной этнической преступности и организованных этнических преступных групп / А.В. Куликов, О.А. Шелег // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2016. – №4. – С. 15–16.

4. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 июня 2002 г. №14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путём поджога либо в результате неосторожного обращения с огнём» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2002. – №8.

5. Куликов А.В. Влияние этнических различий и незаконной миграции на состояние преступности в России / А.В. Куликов, О.А. Шелег // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2016. – №3. – С. 17–18.

6. Варфоломеев А.А. Кибердиверсия и кибертерроризм: пределы возможностей негосударственных субъектов на современном этапе // Военная мысль. – 2012. – №12. – С. 67–71.

7. Тутуков А.Ю. Правильная квалификация террористического акта и его отграничение от диверсии / А.Ю. Тутуков, Л.А. Татаров // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – №6. – С. 112–115.

8. Банина О.А. Договорные отношения с участием органов внутренних дел (на примере милиции общественной безопасности): дис. … канд. юрид. наук. СПбУ МВД России. – СПб., 2004. – С. 3–6.

9. Серебренникова А.В. Уголовно-правовая характеристика террористического акта / А.В. Серебренникова, М.В. Лебедев // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – №2. – С. 45–48.

10. Куликов А.В. К вопросу о понятиях организованной этнической пре-

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

ступности и организованных этнических преступных групп / А.В. Куликов, О.А. Шелег // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2016. – №4. – С. 17–18.

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 года №1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – №4.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)